

Татьяна Смирнова

Лесовички

По следам
Голубой цапли

художник
Ксения Забабашкина

Лесовички (Строки)

Татьяна Смирнова

**Лесові́чки. По
следам Голубой цапли**

«Строки»

2024

Смирнова Т.

Лесовички. По следам Голубой цапли / Т. Смирнова —
«Строки», 2024 — (Лесовички (Строки))

ISBN 978-5-00216-285-7

В каждом лесу живут лесовички. Они похожи на болотные кочки, любят повеселиться от души, сочиняют сказки и пекут кленовые прянички. А ещё они терпеть не могут людей. Науку, как погубить человека, каждая лесовичка осваивает в школе. Но у юной Тоши и без учёбы забот хватает. Ей нужно попасть на Дальнее болото, ведь там видели волшебную Голубую цаплю, которая каждого может сделать счастливым. Дорога туда трудна, полна ужасов и испытаний. И первое из них – нелепый рыжий мальчик Матвей в шлепанцах, непонятно откуда взявшийся на Тошином пути... Три факта о книге: 1. Полная юмора сказка для семейного чтения, одинаково интересная детям и взрослым. 2. Целая вселенная, созданная на основе русских сказок. 3. Яркие иллюстрации Ксении Забабашкиной оживают в каждой книге серии. Татьяна Смирнова, автор: Это история о том, какие мы все непохожие, и как важно этой непохожести не бояться, а принимать её и уважать. И о том, что даже в тёмном лесу можно найти верных друзей и много света, если идти за своим сердцем, не слушать, что говорят другие, и делать выборы самому. Ксения Забабашкина, иллюстратор: Ты понимаешь, что это по-настоящему твой проект, когда главная героиня рисуется с первого эскиза! Читаешь текст и ярко представляешь себе образы, атмосферу, а сюжет оживает в воображении, будто смотришь мультик.

ISBN 978-5-00216-285-7

© Смирнова Т., 2024

© Строки, 2024

Содержание

Глава первая,	9
Глава вторая,	19
Глава третья,	30
Глава четвёртая,	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Смирнова Лесовички. По следам Голубой цапли

© Смирнова Т., текст, 2024

© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2024

* * *

Татьяна
Смирнова

Лесовички

По следам
Голубой цапли

художник
Ксения Забабашкина

Книга создана при участии
бюро «Литагенты существуют»
и литературного агента Алёны Яицкой

Глава первая, в которой Монька начинает прыгать, а бельчонок нарушает все планы

– Первым делом, – наставляла Громы́ха, – как завидишь человека, надо обернуться мухомором, или старой корягой, или шишкой. Чтоб человек плюнул да и дальше пошёл, а то и вовсе вас не заметил, а вы уж за ним по пятам, след в след.

Лесовички – здесь были и старшие, и те, кто только начал ходить в школу, – слушали Громы́ху с превеликим вниманием. Она стояла на поваленном дубе, который использовали вместо преподавательской кафедры. Сами же лесовички разместились на траве. Трава была мягкой и тёплой. И сухой, что немаловажно. Администрация школы строго за этим следила и не назначала занятий на утренние часы, когда на лужайке ещё серебрилась роса. А так-то лесовички были ранними пташками – вставали ещё до того, как тетерев Сеня объявлял подъём по всему лесу.

– Ну а если вы, растяпы, всё-таки попались на глаза человеку... – Громыха выдержала паузу и сделала суровое лицо, оглядывая лесовичек. Те зашуршали и завопились. Отвечать урок строгой Громыхе никому не хотелось. – Какие ваши действия? Ну-ка, Монька? – Громыха ткнула веточкой в одну из лесовичек, круглее и лохматей остальных, с заколкой из рябиновых ягод.

– Хвать его зубами! – оттарабанила Монька и подпрыгнула над травой – высоко, как самая настоящая лягушка, только и видно было, как болтались в воздухе её коротенькие ножки. Монька всегда так делала, когда волновалась. А бояться тут и в самом деле было чего. Двоечников Громыха заставляла вычищать совиные гнёзда и пить берёзовый кисель – говорила, что для ума полезно. Берёзовый кисель был безвкусной гадостью, хуже рыбьего жира и желудёвой каши.

– А ну, не прыгать! – прикрикнула Громыха, и Монька послушно приземлилась. – Сколько раз повторять: рыбы плавают, птицы летают, а лесовички ходят ногами. Хо-дят! Если все сейчас начнут прыгать, что будет? Бедла́м!

Пока Громыха распекала Моньку, Тоша свернула листочек и кинула им в Клякву, сидящую на другом конце лужайки. Громыха рассадила их ещё в самом начале занятия, когда узнала, что они пронесли на урок бельчонка. Это было обидно, что узнала. Ведь Тоша с Кляквой придумали такой хороший план!

Сначала они должны были выманить бельчонка на фундучное печенье. Это оказалось легко, потому что бельчонок родился совсем недавно и был ещё немного глуповат. У него только-только начала пробиваться шёрстка, а всем известно, что мудреют белки лишь к тому дню, когда у них появляются кисточки на ушах.

Когда бельчонок наелся и уснул, Тоша с Кляквой посадили его в сумку, прикрыли тетрадками и мешочком с обедом и пошли на занятие. До этого они провели расчёты и решили, что бельчонок должен будет проснуться не ранее чем через два часа: тогда как раз начнётся лесоведение, и Громыха будет говорить про ужасающих человеческих чудовищ – таких как динозавры или микроволновки.

Проснувшись, бельчонок нашёл бы мешочек, наелся каштанов и заурчал, – белки всегда урчат, когда они сыты и счастливы. Они те ещё тарактелки. И Громыха бы обязательно его услышала и сама подпрыгнула бы на месте и испугалась: решила бы наверняка, что это стиральная машинка. Или саблезубый тигр. Вот смеху-то было бы!

Но Громыха обнаружила бельчонка почти сразу. Это вышло по чистой случайности. Дело было в том, что каждой лесовичке мама в школу заворачивала обед. Еда эта была самая простая, но здоровая и полезная. Обычно мамы клали в мешочки сушёные грибы, тефтели из морёшки, маковые сушки, кедровые лепёшки, медовые сухарики, каштаны, корешки клевера и мох, вымоченный в варенье.

Но сегодня отличилась мама Липуши. Она приготовила сливовый пудинг! Ни с того ни с сего, посреди года. А ведь сливовый пудинг – это праздничное угощение, его подают только в самые важные дни – например, когда собирают первый урожай еловых шишек или когда заячья шубка из белоснежной снова становится серой.

Вот Тошина мама его готовить терпеть не может. Говорит, морёки с этим пудингом – ужас! И в самом деле. Сначала попробуй эти сливы раздобудь. Надо пробраться к самому краю леса – туда, где начинаются человечьи владения, отыскать сливовое дерево, набить сливами полные карманы и ещё туесбёк. При этом важно следить, чтобы никто тебя не заметил: ни орёл, ни сычик, ни сам человек. Опасное предприятие, да и сноровка нужна. Так что отправляют за сливами всегда самых старших детей. У Тоши старшей сестры нет, вот маме и приходится идти самой, – может, поэтому пудинг не вызывает у неё восторга. Но мама всё равно его готовит: что ж поделать, традиция. Да и Тоше он нравится. Это её любимое угощение.

А мама Липуши взяла и приготовила просто так. Без всяких традиций и праздников. Она вообще была самой странной мамой из всех мам и часто творила чудные вещи. Пудинг у неё получился сладкий, ароматный, синий-синий. Пах он до того аппетитно, что лесовички никак не могли усидеть на месте спокойно – всё косились на сумку Липуши и думали: поделится на переменке или нет? Должна поделиться! Они же делились с ней кленовыми пряничками.

Тут-то и произошло непредвиденное! Бельчонок, который давно уже пригрелся и сопел, вдруг тоже почуял запах сливового пудинга. Неудивительно, что бельчонок тут же проснулся и захотел его отведать: пудинг действительно был так хорош, что даже у сытого разыгрывался аппетит.

Никто не ожидал, что бельчонок выпрыгнет на полянку: ни Тоша, ни Кляква, ни уж тем более Громыха и остальные лесовички. А он выпрыгнул и поскакал прямо к Липушиной сумке, зелёной в золотистую крапинку. Все замерли, а бельчонок юркнул внутрь. Зашуршал там листочками, а вскоре добрался и до пудинга и зачавкал на всю поляну. Тут-то все и спохватились! Лесовички зашумели и запищали, а Громыха подбежала и схватила бельчонка. Он был весь перепачкан синей ягодной глазурью и довольно урчал. Только вот теперь уже никто не испугался: а чего пугаться, когда понятно, откуда шум. Как же Тоша расстроилась! Весь план белке под хвост! Одна Липуша стояла и шмыгала носом. Но и она ревела не от страха, а оттого, что от её замечательного пудинга не осталось ни кусочка.

Но это было ещё полбеды. Беда наступила, когда оказалось, что Громыха прекрасно видела, из чьей сумки появился бельчонок. А это значило, что кому-то сейчас достанется по полной.

Громыха сунула бельчонка Липуше и велела вернуть его в дупло, а сама подлетела к Тоше с Кляквой и нависла над ними, как огромная грозная туча. Тоша всегда её побаивалась, но старалась не подавать виду: задирала нос и выпячивала губы, чтобы показать, что это она, Тоша, а вовсе не Громыха здесь недовольна. Кляква вела себя по-другому: она хмурилась и смотрела в землю. Но Громыху ничто не понимало.

Первым делом Громыха растащила Тошу и Клякву по разным углам. Тоше пришлось сесть рядом с Нуной, а она это терпеть ненавидела: Нуна всё время ныла и нюнила, а ещё у неё был сопливый нос. А Кляква оказалась рядом с Хворобушкой, и это было ничего. Хворобушка знала много загадок, и с ней можно было играть в лесной бой.

Потом Громыха кликнула тетерева Сеню и вручила ему две мухоморные шляпки.

Сказала: «Одну – под корягу, другую – к камню, что на пути к березняку». Это значило, что одну шляпку Сеня отнесёт маме Тоши, а другую – маме Кляквы. А это, в свою очередь, означало, что Громыха вызывает мам на серьёзный разговор. Никогда ничего хорошего от этих разговоров не было, одно расстройство. Пока Громыха отвлеклась на Сеню, Тоша показала Клякве язык. Потом зыркнула на Громыху и высунула язык ещё сильнее. Кляква хихикнула, и Громыха услышала и тут же повернулась к ним, – Тоша едва успела принять серьёзный вид. Громыха погрозила им веточкой, но, к счастью, больше ничего не сделала и начала урок. А потом запрыгала Монька, и Тоша смогла запустить в Клякву листочком.

На листочке было наспех накорябано:

Мокша сказала, что на Дальнее болото
прилетела Голубая цапля.
После занятий идём ловить! Пасприптум:
Громыха такая дууууууура.

Голубые цапли в их лесу не водились. Они прилетали из заморских земель – из какого-нибудь Китая или, может, Антарктиды; никто не знал точно. Это было неважно. Главное, что

встретить Голубую цаплю можно было не чаще, чем раз в сто лет. И кому удавалось её увидеть, тому, утверждала Мокша, Голубая цапля приносила счастье, радость и всяческое веселье.

А Тоше ой как хотелось веселья! А ещё она была абсолютно уверена, что просто посмотреть на Голубую цаплю недостаточно. Лучше было её поймать – для надёжности. Мокша, правда, ничего на этот счёт не говорила, но что бы она там понимала!

«Вот поймаю цаплю, – думала Тоша, – и будет у меня одуванчиковый крем на завтрак каждый день! Или нет, не крем, а липовая пастила – вся солнечная, душистая, в сладких белых цветочках. Или нет, не пастила даже, а брусничное мороженое – сколько влезет! А ещё мама будет отпускать меня гулять до самых дальних полей, где можно играть с ежами в салочки-догонялки. И перестанет ругаться, когда полезешь в ручей гонять рыбёшек и не заметишь, как промокнешь вся, до самых ушей. И даже Громыха больше не будет противной. Будет танцевать на переменах и угощать всех лесовичек малиновым вареньем. А мне наложит больше всех! Только чтоб варенье обязательно сладкое, а то знаю я её, наварит кислятины... Ох, изловлю цаплю – вот будет счастье!»

Тоша думала, что Кляква, прочитав её записку, ни за что не сможет усидеть на месте. Подпрыгнет от восторга ещё выше Моньки, а потом сама бросит в Тошу листочком:

Конечно, бежим скорее!
Пасприптум :
дурейшая дура!!!»

Но Кляква почему-то посмотрела на Тошу испуганно и затрясла головой. Ещё и поводила пальцем по шее – убьёт, мол. А кто убьёт? Громыха, что ли? Да она только и может, что свистеть Сене и рассылать мухоморные шляпки. Вот уж не ожидала Тоша, что Кляква её всерьёз испугается! Всё-таки она иногда бывала такой скучной! Тоша выпучила на Клякву глаза, как будто стараясь сказать: «Ну чего ты! Не будь занудой», но та продолжала трясти головой. И тогда Тоша надулась и отвернулась от Кляквы. И очень вовремя она это сделала, ведь Громыха как раз подходила к Тоше, чтобы что-то сказать.

Глава вторая, в которой говорится о совах и носках, а также о том, кто такие лесовички

Если вдруг вы спросите: «Какие они из себя, эти лесовички?» – ответить будет не так чтобы очень сложно, но и не очень-то легко. Больше всего, пожалуй, они напоминают маленькие болотные кочки с глазами и на ножках. Ножки у них тонкие, а глаза большие и круглые, так чтобы ими было удобнее хлопать. Не лишним будет также упомянуть, что размером лесовички с упитанную сову. Но больше ничего их с совами не связывает – даже наоборот, с этими птицами у лесовичек давняя вражда.

Дело было так. Старая лесовичка Мокша любила греться на солнышке и вязать носок. Она вязала его уже много лет, и за это время он стал таким длинным и широким, что в нём могло бы поместиться целое поселение лесовичек и перезимовать холодную зиму. Носок этот Мокша любила больше всего на свете, он был её отдушиной и художественным полотном. Она вязала его разноцветными нитками, и узоры на нём тоже были самые разные: где-то загорались звёзды, где-то распускались цветы, а где-то поднимался пар от ежевичных кексов, которые Мокша только-только достала из печи.

Как-то раз Мокша, по своему обыкновению, сидела на веточке дуба, разложив вязание на коленках. Стояла осень, и листва с деревьев почти облетела, поэтому ничто не мешало Мокше нежиться на солнце, которое в этот день было не по-осеннему ласковым. Однако вдруг Мокша вспомнила, что забыла взять с собой медовых сухариков. А ведь вязание – дело непростое и

неспешное, недолго и проголодаться. Поэтому Мокша оставила носок на ветке и ненадолго отлучилась домой, чтобы отсыпать сухариков из кладовки.

И надо же было случиться такому, что в этот самый момент мимо дуба пролетала Сова. Сначала она так и пролетела мимо, а затем вернулась, потому что в глаза ей бросилось что-то пёстрое и красивое. «Что за диво, – подумала Сова и подлетела ближе, – какая мягкая перина! Вот бы мне такую в гнездо!»

Сова попыталась поднять носок и унести его с собой, но, поскольку носок был огромным, у неё ничего не вышло. Сова просто-напросто шлёпнулась вниз. Она почти не ударилась, а вот носок извалялся в пыли и немного испачкался травой. Это лесовички обладали недюжинной силой и при необходимости, подобно муравьям, таскали на себе вещи, которые были в тысячу раз тяжелее их. А совы такими способностями похвастаться не могли.

Тогда Сова принялась разглядывать носок. Она думала, не удастся ли оторвать хотя бы клочок от такой перины: ей бы как раз хватило, чтобы выстелить гнездо, а то в последнее время прутики стали больно впиваться ей в спину. Сова цапнула носок раз, другой – и вдруг увидела пётельку, за которую было удобно зацепиться клювом. Сова потянула за неё – и...

Когда Мокша подбежала к дубу, она не обнаружила там ничего, кроме целой кучи разноцветных ниток. А посреди этой кучи стояла Сова и распускала последние рядочки её драгоценного носка.

- Ах ты злодейка! – набросилась на Сову Мокша. – Ты что это творишь?
- А чего это ты на меня ругаешься? – возмутилась Сова.
- Это был мой носок! Я вязала его семь лет, четыре месяца и двадцать три дня! А ты! Мокша размахнулась и стукнула Сову мешочком с сухариками. Сова в долгу не осталась и огрела Мокшу крылом.
- Ты сама дура, – крикнула она, – нечего оставлять свои вещи без присмотра!
- А даже если и без присмотра! Кто чужое трогает, тот воровка!
- Это ты меня назвала воровкой?! Ну, погоди ещё! Я с тобой разберусь! Будешь знать, как наговаривать на честных сов.

И Сова ухнула, захлопала крыльями и поднялась в небо. А на следующее утро Мокша обнаружила, что кто-то напихал репейника в её замечательные красно-сине-жёлтые коврики, которыми она выстилала дорожку от ручья до своего дома. Мокша попыталась выдернуть из ковриков репейник, но всё было тщетно. Тогда она погрозила кулаком в сторону совиных гнёзд, и уже через день все птицы только и знали, что кричать о том, как какая-то лесовичка забросала Сову ореховыми скорлупками.

Так оно всё и началось. Они бросались и стукали, топали и шумели, подкидывали и рвали, колотили и обзывались – и уже никто не помнил, в чём было дело и кто был виноват. А однажды, когда Мокша по ошибке стащила пёрышко у другой совы, в эту войну включились и все остальные совы и лесовички. И так они враждовали и враждовали, и только Липушина мама качала головой и вздыхала, что никогда она не думала, что в её родном лесу все совы и лесовички окажутся такими глупыми, ещё хуже человека. Потому что это никуда не годится – решать споры не словами, а таким вот баловством. Но маму Липуши, понятное дело, никто не слушал: все были заняты войной. Хорошо хоть они не убивали друг друга, а так, злодействовали потихоньку.

Впрочем, несмотря на то что с совами у лесовичек дружба не заладилась, с остальными обитателями леса они живут в мире и согласии. С ежами они ходят по грибы. Мало кто знает, что в грибах лесовички разбираются лучше всех. И даже из ядовитых мухоморов могут сделать лекарство от простуды и микстуру для бодрости. Поэтому-то ежи их всегда с собой и берут. Ну, ещё немного потому, что лесовички – это лучшая компания. Ведь никто другой не знает так много частушек про свиристеля и старую сосну и никто больше не умеет так ловко перепрыгивать лужицы и жонглировать камешками.

А ещё лесовички отбивают чечётку с зайцами, запускают кораблики с рыбёшками, поют песни у костра с серым волком, играют в салочки с лисой, с медведями маринуют грибочки и даже могут посидеть с бельчонком, если маме белке срочно нужно за орешками на дальнюю поляну.

В остальное время лесовички занимаются всем и понемножку. Они собирают шишки и делают гербарии из опавших листьев, пекут кексы и варят варенье, бинтуют зверям порезанные лапы и подкладывают семечки в птичьи кормушки, выбивают коврики и вяжут на зиму рукавички, сочиняют сказки и прыгают на одной ноге, ходят в гости к косуле и выращивают голубику, подписывают поздравительные открытки и перекрашивают забор. Но самое любимое их дело – это игра в бубель-губель.

Для игры этой все лесовички, старые и малые, собираются на поляне, становятся в круг и ну давай переглядываться и смеяться. Затем одна из них, с голосом позвонче и погромче, как закричит: «БУБЕЛЬ!» И тогда на поляне поднимается шум и гам, лесовички начинают топтать ногами и ругать друг друга на чём свет стоит. Чем смешнее ругательство, тем лучше. Пробежит мимо поляны какая-нибудь куница – ничего понять не сможет. Потому что только и слышно ей будет: «Ах ты морковный хвостик! Ну ты и облачковое ухо! Да ты просто бубликовая зябля!» А потом вдруг раздаётся другой крик: «ГУБЕЛЬ!» И тогда лесовички прекратят ругаться, возьмутся за руки и побегут водить хоровод. Так и играют.

Живут лесовички не в каком-то определённом месте, а там, где им больше понравится. Приглянется какой-нибудь из них замшелый камень – она прямо за ним и выстроит домик. А если захочется, то может и вырыть норку у осиновых корней – так, чтобы не пришлось далеко

ходить за пропитанием: вылезла из норки и тут же заприметила оранжевую шляпку – значит, на обед будет подосиновичный суп. Ещё лесовички выют гнёзда, складывают из песка и камушков целые замки, селятся в оставленных дуплах и иногда на лето мастерят шалаши. Поговаривают даже, что давным-давно три самые своевольные лесовички ушли на другой конец леса и поселились в заброшенных пещерах. Но с тех пор их так никто и не видел. А если спросить Громыху, то она рассердится и скажет: «Чепуха! Не было ничего такого, просто глупая легенда».

На зиму лесовички не впадают в спячку, как медведи, и не меняют цвет шёрстки, как белки или зайцы. Однако и у них есть к зиме свои приготовления. За четыре месяца до зимы – то есть, как правило, в начале августа – мамы лесовички достают из сундуков пряжу и принимаются вязать шарфики, рукавички, плащи и тёплые носки. Некоторые умелицы успевают закончить даже целый плед и грелки для чайников. Почему бы им не использовать те, которые они уже связали в прошлом году, можете спросить вы. А потому, ответят вам лесовички, что так ведь веселее, когда к каждой новой зиме рукавички у вас нового цвета. Когда жёлтые, когда сиреневые, а когда бирюзовые со снежинками.

Пока мамы вяжут, юные лесовички запасают хворост и веточки, а также собирают малину и морошку, чтобы мамы смогли наварить варенья. Варенье хорошо есть с воздушными пшеничными булочками, или класть в чай, или просто облизывать с ложки – но это только если мама не видит.

Но самое главное зимнее приготовление – это сочинить самую тёплую сказку, которую можно будет рассказывать у огня, когда метель станет стучаться в окна и пытаться залететь через щель под дверь. А ты заваришь чай, завернёшься в связанное мамой одеяло и как начнёшь вспоминать про непослушного небесного козлёнка, грызущего облака, или про огоньки на болотах, которые мерцают, когда хихикают, – тогда-то метель и испугается, и решит, что нечего ей в твоём доме делать, и обойдёт тебя стороной.

Так что снега и холода лесовички не боятся, а вот грозу немного недолюбливают. Есть у них поверье: если гром прогремит подряд семь раз, быть большой беде. Или река выйдет из берегов и затопит их домишки, или упадёт старая сосна и перекроет все дороги, или поселится в ручье злая, кусачая рыба. Но и с роковым громом можно справиться. Эту мудрость лесовички передают из поколения в поколение: как услышишь, что гром ударил в седьмой раз, попрыгай на одной ноге, громко скажи: «Беда, уходи!» – и съешь сладкий орешек. И тогда не страшна тебе будет никакая напасть. Поэтому в грозу лесовички сидят, притаившись, и слушают гром – считают раскаты. Чтобы, если что, тут же начать прыгать. Это они так лес берегут от всяких бедствий.

Другая старинная мудрость лесовичек гласит: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Поэтому о еде они разговаривают много и вдумчиво и могут составить небезосновательное мнение о каждом, чей рацион им известен. Посудите сами: если по утрам ты ешь кленовую кашу с ежевичным сиропом, то, должно быть, ты не лишён серьёзности и в любом деле на тебя можно положиться. Если любишь воздушные бисквиты и земляничный зефир, то лесовички точно примут тебя за своего: ведь это значит, что ты умеешь звонко хихикать и пузыриться от радости. А вот если чаще всего ты ешь хвойно-вермишелевый суп, то тогда берегись: смотреть на тебя будут с настороженностью. Потому что кто вообще любит хвойно-вермишелевый суп?

Любимая еда самих лесовичек – кленовые прянички. Они всегда есть на столе в каждом доме. Прянички пахнут осенним листом, мёдом и немного корицей, а в животе от них становится тепло и мягко, поэтому прянички – верное средство от дурного настроения. Мудрые лесовички советуют принимать их три раза в день: после завтрака, обеда и ужина.

Вот, кажется, и весь рассказ о том, кто такие лесовички. Остальное вы узнаете без меня: морщат ли лесовички носы, когда чихают, сколько куколок могут смастерить из одной шишки и зачем таскают мухоморы, слегка пожёванные лосем.

«Врёшь ты всё, – скажете вы, – сколько раз я в лесу бывал, а ни одной лесовички там что-то не видел. Может, ты их сама и выдумала?» – «А вот и нет, – отвечу вам я, – дело здесь совершенно не в этом. Просто человек для лесовички – самый заклятый враг, ещё хуже совы. Если вы окажетесь в лесу, уж будьте уверены, что не сможете отличить лесовичку от мшистого пригорка, или от нагретого камня, или от охапки дубовых листьев. Прятаться они горазды! А уж сами лесовички прекрасно вас увидят и рассмотрят во всех подробностях, чтобы понимать, как вести против вас боевые действия. Придёте в шлёпанцах на босу ногу – будут знать, что кусать вас нужно за пятки. Забудете надеть панамку – вцепятся вам прямо в ухо. А если будут не в настроении кусаться, так заведут вас в самую чащу леса, закружат вокруг деревьев, кланцнут зубами так, что пропадёт мобильная связь со всех человеческих телефонов, – и ни за что тогда вам не вернуться назад, разве что по счастливой случайности».

Навредить человеку – целая наука. Лесовички начинают её постигать со школьной скамьи. Суровая Громыха в ней самый настоящий ветеран. Сколько людей она оставила блуждать по дремучему лесу, так сразу и не сосчитаешь. Теперь Громыха учит молодых лесовичек маскироваться, прятаться, таиться, сидеть в засаде, кусаться, вгрызаться, кланцать, завывать, ухать, хохотать, бросаться под ноги, наваливаться со спины, спрыгивать с деревьев, забираться

в рюкзак, щекотать, щипаться, заводить в чащу, оставлять в болоте, сталкивать в реку и насы-
лять комаров. Потому что известно каждой лесовичке: человек есть самое злейшее зло. А зло
нужно истреблять – безжалостно и беспощадно.

Но как же так вышло, спросите вы. Отчего они так ненавидят человека?

А тут я вам и не отвечу, потому что уже рассказала всё, что мне удалось разведать.

Дальше уж вы сами.

Глава третья, в которой Тоша рассуждает о счастье и отправляется в путь

– Счастье, – бормотала Тоша, подпрыгивая по кочкам, – счастье – это когда ешь вишни на завтрак, обед и ужин, и чтобы вишни все без косточек, и чтобы ни с кем не надо делиться – если только с мамой, но мама их всё равно не любит. Говорит, от красного у неё кружится голова. Поэтому у нас на столе никогда не бывает ни мухоморного супа, ни клюквенного киселя. Счастье...

Тоша на секунду задумалась и остановилась подтянуть носочек. Носочек был оранжевый в синие звёздочки. Его Тоша нашла у ручья, когда уходила со школьной поляны, да тут же и нацепила. Такой прекрасный носочек долго без присмотра не пролежит.

– Счастье – это когда притаишься в снежном лабиринте, а все тебя ищут и никак не найдут, а ты сидишь и хихикаешь, потому что так играть в прятки – это ещё уметь надо, никто другой так не может, только Тоша. А остальным смекалки не хватает и хитрости. А потом ты выглянешь из снежных коридоров, а все начнут за голову хвататься и ахать: ай да Тоша, как же это ты такое провернула, ещё сто лет бы тебя искали – и всё равно не нашли бы. Теперь ты будешь нашей самой главной прятковой лесовичкой и предводительницей, никто больше не сможет так прекрасно прятаться и предводить.

– Счастье, – Тоша злобно запустила шишкой в дерево, – это когда не дружишь с дурой дурацкой дурейшей, хуже Громыхи.

Кляква не пошла на болото. Помотала лохматой головой, хлопнула глазами (два раза быстро, а один – помедленнее) и сказала: нет-нет-нет-нет-нет. А Тоша ведь так радостно к ней неслась с другого конца полянки, так представляла, как вместе они напрыгнут на Голубую цаплю с двух сторон, и тогда цапле точно будет никуда от них не деться. И станут они счастливыми-пресчастливыми.

А Кляква ей вдруг: нет.

– Громыха и так нас чуть не съела!

– Громыха всегда только грозится. А по-настоящему съесть – зубы отвалятся. Ты вообще их видела? Чёрные и пахнут корягой – она их чистит два раза в год: на день рождения и в праздник первого снега!

Кляква было хихикнула, и Тоша обрадовалась: сработало! Про зубы всегда работало. Но Кляква тут же спохватилась и снова затрясла головой: нет-нет-нет-нет-нет.

– Мне мама сказала, что если ещё хоть одна мухоморная шляпка придёт из школы, то всё. Выдерет за уши и не пустит играть в бубель-губель.

Мама у Кляквы и впрямь была с колючим характером. Все знали: драньё за уши ни одной лесовичке ещё не пошло на пользу, а если не играть в бубель-губель, все начнут шептаться и показывать пальцем. И ещё, чего доброго, не позовут потом ни собирать сосновые шишки, ни прыгать через ореховые скорлупки. Поэтому остальные мамы наказывали лесовичек по-другому: сажали перебирать гречишные зёрна, чтобы потом вместе сварить из них кашу, или отправляли прогуляться до ручья и подумать над своим поведением, или просто укоризненно

смотрели – так, что и сам уже ничему не рад. Только не Кляквина мама. Но ведь если изловить цаплю...

– Если изловить цаплю, – убеждённо сказала Тоша, – то никто ничего нам не сможет сделать. Потому что счастье – это когда никого не вызывают в школу и не таскают за уши.

– Ну, не знаю, – недоверчиво ответила Кляква, – может, этой цапли вообще не существует.

– Сама ты не существуешь! Мокша говорила, что она есть, только от людей прячется. А мы не люди, так что нам она сразу покажется. А там мы её хватать – и...

– Мало ли что твоя Мокша говорит, – перебила Кляква. – Ей вообще сто лет, она едва помнит, как дойти до дома, и думает, что бубель-губель – это такой стиральный порошок. Может, про цаплю она всё выдумала.

Тоша раздражённо затопала ногами: вот же упёрлась, трусливая лохматушка!

– Последний раз тебя спрашиваю! – крикнула она и сжала кулачки. – Пойдёшь со мной за счастьем или нет?

– Не пойду! – пискнула Кляква. – И ты не ходи, только хуже будет.

– Ну и сиди тут одна, несчастная! Пусть тебе вообще оторвут уши, навсегда! – Тоша от досады сама чуть не дёрнула Клякву за волосы. Потянулась к ней было, но Кляква тут же запищала, и Тоша только рукой махнула: связываться ещё с этой мышью. На неё чуть взглянешь не так – она уже дрожит.

– Я поймаю цаплю, – мстительно сказала Тоша, – и с тобой не поделюсь. Ни пёрышка не получишь. Ни кусочка счастья!

Кляква снова затрясла головой, но Тоша на неё уже не смотрела. Она развернулась и пошла прочь с поляны, и ногами топотала нарочито громко – чтобы даже глупая Кляква поняла, что они больше не друзья.

– Счастье – это... – бубнила Тоша. – Счастье... Это... Это... Пастила... Сладкие орешки... Некусучие рукавички... Пугать рыбёшек... Прыгать наперегонки с лягушками... И ещё когда... Когда...

– Ерунда всё это! – вдруг ещё сильнее разозлилась она. – Не счастье, а так. Совам на смех.

Тоша пожевала губу, остановилась и прислушалась к себе: ей показалось, будто у неё урчит в животе, но ничего подобного и в помине не было. Есть ей не хотелось, а живот у лесовичек не болит никогда, это всем известно, – даром они, что ли, пьют столько ромашкового чая. А всё-таки было как-то неуютно, словно внутри у Тоши поселилась горчинка.

«Что, если и впрямь не существует никакой цапли?» – подумала Тоша. Тогда Кляква поднимет её на смех, но это не самое страшное. Куда страшнее то, что без помощи цапли Тоша может никогда и не узнать, что такое настоящее счастье. Как ей понять, что это именно оно, если даже маме не удаётся распознать его наверняка?

Но даже жизнь без счастья не кажется Тоше такой пугающей и тоскливой, как мысль о том, что без цапли ни за что не найти папу. О папе Тоше рассказала мама по большому секрету. Тоша молчит про большой секрет уже три лета, три осени и две весны. Каждый раз, когда она о нём вспоминает, Тоше кажется, что она наглоталась холодной воды из ручья, и теперь внутри у неё всё заледенело тоже.

Мама сказала, что Тошин папа (он носил звучное имя Амадей и невероятно им гордился) ушёл искать Голубую цаплю. Он ушёл не один, а забрал с собой всех других пап, и дедушек, и даже братьев, хоть те и были сопливые, маленькие и непригодные в походе.

– Зачем он это сделал? – спросила Тоша.

Она намазывала брусничное варенье на кедровую лепёшку. За окном завывала вьюга, и было совершенно непонятно, зачем нужно куда-то идти, когда вокруг такой страх и холодина, а дома, у огонька, уютно и тепло ногам.

У мамы в руке хрустнула ветка. Тоша обернулась и увидела, как по полу разлетелись сушёные лисички. Подумала: «Какая странная ветка, наверняка от крушины. Больше она за ними не пойдёт – лучше наберёт можжевельных».

Мама сказала:

– Он всё хотел быть счастливым. Ему все говорили: какое ещё тебе счастье, плохо, что ли, живём? Хочешь – води сов за нос. А хочешь – пускай кораблики или ешь досыта липовой пастилы. И радуйся каждый день! Зачем что-то искать? А он всё твердил: мир такой огромный, не может же в нём не быть...

Мама оборвала сама себя, махнула рукой.

Тоша заинтересованно зашевелила ушами. Никогда раньше она не слышала таких слов. Да и мама ещё не говорила с ней таким голосом – как со взрослой.

– А что такое *счастливым*? – спросила Тоша.

Мама ответила не сразу. Потом сказала:

– Я не знаю точно. Но думаю, что, когда ты счастлив, ты обязательно это понимаешь, потому что хочется то ли радостно скакать, то ли обнять каждую лесовичку, то ли свернуться калачиком и проспать до весны, потому что на душе легко и спокойно.

Тоше тут же захотелось стать счастливой, а мама вдруг спохватилась, и голос у неё стал обычный. Этим обычным голосом она спросила:

– Ты уже сделала уроки?

Тоша досадливо дёрнула носом: вот только мама так может – перескочить от важного к дурацкому за секунду. И говорить с ней бесполезно. Сколько раз уже Тоша возмущалась: «Про уроки мне и Громыха весь мозг съест, давай лучше поговорим про бабочек, или про мягкие облака, или вот про папу. И про остальных ушедших с ним».

– Где они сейчас? – спросила Тоша. – И когда вернуться?

Ветка в маминых руках захрустела снова. Мама бросила обломки в печку и закрыла её заслонкой. Пальцы у неё все перепачкались в саже, но мама не обратила внимания и вытерла руки прямо о белый передничек. Вот если бы Тоша так сделала, ей бы наверняка влетело.

– Может, им попался человек? – предположила Тоша, когда поняла, что мама не собирается отвечать.

– Что?

– Ну, человек. Он их и запер в каком-нибудь холодильнике. Или в газонокосилке. Поэтому их так долго нет?

– Да, – сказала мама. – Наверное, это был человек.

Тоша прищурилась и внимательно на неё посмотрела: попыталась разгадать, знает ли мама хоть что-нибудь. Когда мама так смотрела на Тошу, она как будто насквозь её видела: и что Тоша прячет в кармашках, и сколько раз Громыха растащила их с Кляквой по разным концам полянки, но у Тоши так пока не получалось. Она не поняла, скрывает ли мама от неё правду, или же она сама в растерянности и просто не хочет признаться.

«Ну и пожалуйста, – решила Тоша. – Всё узнаю сама».

Тогда-то ей и пришла в голову идея отыскать Голубую цаплю. Наверняка папа тоже отправился за ней на Дальнее болото. Где ещё искать счастье, если не там? Должно быть, папа обна-

ружил цаплю. Должно быть, он стал таким счастливым, что даже забыл дорогу домой. Это неудивительно, Тоша слышала от других, что от счастья, бывает, кружится голова и становится сложно соображать. Тоше нужно просто найти папу, и тогда он всё вспомнит и вернётся. И мама будет смеяться так сильно, что даже немного заплачет.

Тоша недолго думала о том, как именно будет его искать. Она сразу поняла: нужно спросить у Голубой цапли. А там, глядишь, может, эта цапля не только доведёт Тошу до папы, но и про счастье ей всё объяснит. Может быть, даже немного поделится.

Поэтому Тоша и скакала по кочкам так решительно. Ничто бы не смогло её остановить: ни трусиха Кляква, ни если бы мама заперла Тошу дома, ни если бы Громыха оставила её после уроков на три часа.

Кочки приятно чавкали под ногами. Тоша любила этот звук с самого детства. Он был уютным, почти как мамина колыбельная. Кочки словно говорили: «Что-что-что, идёшь? Ну иди, что ж. Чего-чего-чего ищешь? Найдёшь, найдёшь, не тревожься».

Мама говорила, что по болотам нужно ходить осторожно: даже опытную лесовичку может затянуть трясина. Но Тошу кочки любили. Они не только не проваливались под неё, но как будто наоборот – выталкивали её наверх. Так что над кочками Тоша почти что летала.

Вот и сейчас она подпрыгнула повыше, раскинула руки, изящно помотала ногой, как самая настоящая балерина. И вдруг замерла. Она увидела след.

Глава четвёртая, в которой мы узнаём некоторые тонкости охоты на человека

Лес для каждой лесовички – колыбель и родной дом, верный советник и друг. Нет места безопаснее, нет дорог надёжней. Для лесовички в лесу невозможно ни заплутать, ни сгнуться, ни разбить нос, ни предаться унынию, поэтому по лесу скачется им весело и отважно. Но каждая с малых лет знает: там, где кончается солнечный свет, где начинается Великая тень и Серые деревья, там, где лес начинает шуметь тревожнее, скалится и машет косматыми ветками, – там лесовичке несдобровать. Она посереет и сожмётся до размера крохотной шишки, или превратится в камень, или навсегда разучится улыбаться.

То была самая загадочная лесная загадка: как же так получалось, что за какой-то невидимой чертой лес переставал быть добрым товарищем и становился страшнее заклятого врага, хуже волка, злее человека? Кто-то из старых лесовичек рассказывал про проклятье, которое на лес наложили древние ведьмы. Кто-то говорил, что всё это – из-за ци-ви-ли-за-ции. А кто-то был уверен, что виноваты кусучие кислотные дожди. Но наверняка никто ничего не знал. Просто избегали ту часть леса все лесовички до единой. Даже такие смелые, как Тоша. Не подумайте, что она чего-то боялась. Просто было же и у неё представление о благоразумии.

Но теперь выбора у Тоши не оставалось, ведь Дальнее болото было не где-нибудь, а среди Серых Деревьев, в том самом зловещем лесу. И если уж её папа смог дойти до болота и не сгнуться – а сгнуться он не мог, он же папа, – то и у Тоши непременно должно было получиться. Конечно, заходить в Тень было жутковато: вдруг Тоша и сама навсегда станет тёмной и начнёт хмуриться? Но чем страшнее Тоше было, тем выше она задирала нос, тем веселее посвистывала, тем задорнее скакала.

Но к человеку Тоша оказалась не готова. Он был последним существом, которого ожидаешь встретить в Тени, ведь там и без того хватает неприятностей. Но Тоша не была бы Тошей, если бы упустила случай так славно поохотиться. Она так долго этого ждала! Никогда раньше она не сталкивалась с человеком нос к носу. «Так-так, Тоша, – сказала она сама себе, – будь начеку, Тоша и вспомни всё, чему тебя учили. Ну-ка, где же он прячется?»

Тоша внимательно рассмотрела след. Следы у человека были не как у нормального зверя: у него не было ни пальцев, ни когтей, зато по всей ступне змеились непонятные загогулины. Образованные лесовички знали: это значит, человек пришёл не босой, а в обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.